

Náchos, известный островъ. нѣм. Nachen обнаруживаетъ то же стремленіе къ замѣщенію у гортанною.

Третій корень въ Санскритѣ—nas, приходитъ, nasati въ Ведахъ. Здѣсь намъ приходится лишь примѣнить греческій звуковой законъ, по которому s должно выпасть между гласными; и какъ предъидущее правило, касательно дигаммы, изъ néĒō сдѣлано nēō, такъ и это вмѣсто первоначальнаго néśō даетъ nēō. Притомъ, какъ въ первомъ примѣрѣ устраненіе причины устраняетъ и слѣдствія—дигамма снова являлась, какъ только очутится передъ согласною,—такъ и въ настоящемъ примѣрѣ s появляется снова, какъ скоро за нимъ слѣдуетъ согласная, напр. въ nostos, возвращеніе, отъ néesthai.

Итакъ, если настоящей этимологіи нѣтъ никакого дѣла до звука, то какого другаго метода держаться намъ, если мы хотимъ придать точность нашему словопроизводству? Отвѣтъ на это—найти законы, управляющіе измѣненіями звуковъ. Еслибы это была чистая случайность, что первоначальное слово, означавшее слезы, въ Санскритѣ приняло форму aśu, въ Греческомъ языкѣ dákrū, lacrima въ Латинскомъ, lagr въ Готскомъ, то научная обработка этимологіи была бы невозможна. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Не смотря на видимое несходство словъ, обозначающихъ слезы, въ Англійскомъ и Французскомъ языкахъ, въ пропасти, раздѣляющей tear и larm, нѣтъ и одного вершка, черезъ который не могла бы перекинуть моста сравнительная Филологія. Мы вѣримъ поэтому—по крайней мѣрѣ, пока намъ не докажутъ противнаго—что развитіемъ языка, какъ и всякаго другаго произведенія природы, управляетъ законъ и порядокъ, и что измѣненія, замѣчаемые нами въ исторіи человѣческой рѣчи, вызываются общими, подлежащими опредѣленію, законами.

**ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ,
ЖУРНАЛЪ,**

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ
ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВООБЩЕ И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ,
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ ОСОБЕННОСТИ—И ПО СЛА-
ВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Хованскимъ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ III.

1868.

В О Р О Н Е Ж Ъ.

Въ типографіи В. Гольдштейна.

ла, раздѣливши рукописи на фамиліи и предложивши извѣстный рядъ улучшеній съ помощью списковъ, до сихъ поръ мало употреблявшихся. Это—только основаніе, на которомъ начинается болѣе трудная и болѣе тонкая работа. Не всѣ звуковые переходы такъ ясны, какъ показывается съ перваго взгляда; бѣгатая и запутанная ткань языка представляетъ много особенностей, которыя только постепенно подмѣчаются взглядомъ, умудреннымъ опытомъ. Вслѣдствіе процесса улетучиванія, первоначально совершенно различныя формы могутъ дѣлаться до такой степени похожими или прямо схожими, что мы можемъ сомнѣваться, куда принадлежитъ данная форма. Греческій *spiritus asper* то появляется изъ первоначальнаго *s* въ членѣ—*ō*, санскр. *sa*, то изъ *j* въ относит. мѣст. *o'*—*s*=санскр. *ja*—*s*, то изъ *spiritus lenis* въ *ἵππο*—*s*=санскр. *aśvas*, лат. *equus* (основ. фор. *ak*—*va*—*s*). Возможныя сомнѣнія рѣшаются здѣсь помощію только болѣе точнаго изслѣдованія cadaго отдѣльнаго элемента, и особенно наблюденіемъ надъ значеніемъ; впрочемъ, такихъ случаевъ, гдѣ намъ придется рѣшать между разныхъ возможностей, очень много. Границы области нѣкоторыхъ звуковыхъ законовъ и особенныхъ свойствъ звуковъ распознаются медленно и постепенно. Послѣ увлеченій и безпорядочной горячности въ области языкоизслѣдованія наступило отрезвленіе, и по справедливости пріобрѣтаетъ все болѣе значенія особая жизнь отдѣльныхъ языковъ, развернувшаяся на основаніи общаго наслѣдства. Если мы прибавимъ къ этому болѣе широкіе и болѣе трудные вопросы о развитіи значенія словъ, то увидимъ, на сколько неисчерпаема еще задача языкознанія, и какъ безконечно велика работа въ этой области.

М. Григоревскій.

(Продолженіе будетъ.)

БАСНИ КРЫЛОВА,

КАКЪ НРАВСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛЪ.
(Рѣчь, читанная на юбилейномъ торжествѣ въ
Воронежской Военной Гимназіи.)

У каждаго изъ насъ съ воспоминаніями дѣтства соединяется воспоминаніе о нашемъ общемъ другѣ Дѣдушкѣ-Крыловѣ, о его басняхъ, его говорящихъ звѣряхъ, птицахъ, деревьяхъ, рѣкахъ и камняхъ. Созданные имъ образы живо и рѣзко запечатлѣлись въ воображеніи, и достаточно намекъ, одного стиха, чтобы возобновить ихъ въ памяти. Кто не запомнилъ «Попрыгунью Стрекозу», «Голодную Куму-Лису», «Мартышку передъ зеркаломъ» и множество другихъ комическихъ крыловскихъ типовъ? Въ чьемъ воображеніи не вызываютъ весьма отчетливыхъ представленій эти стихи: «увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ», «невѣста-дѣвушка смышляла жениха», «осель, уставясь въ землю лбомъ»? и пр. и пр.

Но многіе-ли изъ насъ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, какое именно впечатлѣніе производилъ своевременно на душу каждый изъ этихъ рельефныхъ образовъ, какія именно рефлексивныя движенія вызывались этими впечатлѣніями, — иначе сказать, какое вліяніе на складъ нравственности, на характеръ дѣйствій имѣла въ свое время каждая изъ басенъ Дѣдушки—Крылова, прочитанная и заученная нами въ дѣтствѣ? — Большинству, вѣроятно, даже и въ голову не приходилъ такой вопросъ. До такой степени у насъ упрочно убѣжденіе, что собраніе басенъ Крылова—книга вполне понятная дѣтямъ и

хорошо дѣйствующая на ихъ нравственное развитіе. Давать эту книгу для чтенія дѣтямъ стало обычаемъ, изъятымъ отъ критики, получившимъ какую-то безконтрольную силу. Мы хотимъ отнестись критически къ такому обычаю и бросить взглядъ на басни Крылова, какъ чтеніе для дѣтей, какъ матеріалъ нравственно педагогическій, — ужь, конечно, не съ тѣмъ, чтобы унизить ихъ достоинство, какъ художественной сатиры, а исключительно съ тою цѣлью, чтобы нѣсколько точнѣе опредѣлить ихъ нравственно-педагогическое значеніе.

Цѣлью всякаго дѣтскаго чтенія можетъ быть: во-первыхъ, расширеніе знаній, вообще умственное развитіе, — во-вторыхъ изученіе языка, — въ-третьихъ, нравственное и эстетическое развитіе. Прежде всего мы должны оговориться, что чтеніе нельзя признавать первостепеннымъ средствомъ при достиженіи указанныхъ цѣлей вообще, а нравственнаго развитія въ особенности. Положительныя, вѣрныя и точныя, знанія въ дѣтскомъ возрастѣ главнымъ образомъ даются изученіемъ предметовъ, въ отдѣльности и въ совокупности, ихъ зависимости и отношеній между собою, а процессъ этого изученія — главная развивающая сила для дѣтскаго ума. Нравственность по преимуществу слагается подъ вліяніемъ окружающей жизни, обстановки, живыхъ примѣровъ и побужденій, вызываемыхъ жизнью. Даже въ эстетическомъ развитіи чтенію принадлежитъ далеко не главная роль: живопись, пѣніе и музыка, столь важныя для развитія внѣшнихъ чувствъ — этихъ проводниковъ эстетическихъ наслажденій, уже по сравнительно меньшей сложности впечатлѣній, доступнѣе пониманію ребенка, сильнѣе на него дѣйствуютъ, — слѣдовательно, въ силу того педагогическаго правила, что надо начинать съ легкаго, простаго и постепенно переходить къ болѣе трудному, сложному, съ нихъ и должно начинаться воспитаніе эстетическаго чувства.

Такимъ образомъ чтеніе является только дополнительнымъ, подчиненнымъ средствомъ, а потому — требуетъ особенной разборчивости и большой осторожности. Все

это, конечно, вполнѣ прилагается и къ баснямъ Крылова, при чтеніи которыхъ имѣется въ виду преимущественно нравственное развитіе.

Художественность басенъ Крылова, рельефность и законченность созданныхъ имъ образовъ, совершенно живыхъ, глубоко и сильно дѣйствующихъ на душу, не подлежитъ сомнѣнію. Не безъ основанія многіе признаютъ, что художественная сторона у Крылова выше, нежели у Лафонтена, и въ подражаніяхъ послѣднему нашъ баснописецъ является не робкимъ ученикомъ, но борцомъ, а не рѣдко и побѣдителемъ. Но—вѣдь—Крыловъ писалъ свои басни—сатиры не для дѣтей; ни въ созданіи образовъ, ни въ выборѣ идей онъ не соображался ни съ дѣтскими понятіями, ни съ требованіями педагогики. Онъ былъ сатирикъ, а не педагогъ, и басня для него была только формой, которою владѣлъ онъ въ совершенствѣ для выраженія своего сатирическаго отношенія къ обществу. Нельзя же требовать отъ писателя того, чего онъ вовсе не намѣревался давать.

Перечитывая басни Крылова, прежде всего находимъ цѣлый рядъ такихъ, идеи которыхъ совершенно недоступны дѣтскому пониманію, которыя и написаны авторомъ явно исключительно для людей взрослыхъ, много мыслившихъ и знакомыхъ съ жизнью. Такъ—басня «Водлазы» написана на тему: полезно-ли просвѣщеніе? Самый языкъ ея выше дѣтскаго пониманія: «хотя въ ученіи зримъ мы многихъ благъ причину, но дерзкій умъ находитъ въ немъ нучину» и пр. Въ баснѣ «Червонецъ» рѣшается вопросъ о томъ, что такое истинное и ложное просвѣщеніе: рассказывая, какъ вычищенный червонецъ сталъ блестѣть какъ жаръ, но потерялъ значительную долю вѣса, а слѣдовательно—и цѣны, Крыловъ проводитъ ту мысль, что просвѣщая людей, надо поступать осторожно, чтобы вмѣстѣ съ невѣжествомъ не стереть добрыхъ свойствъ души. Въ баснѣ «Безбожники» развивается мысль о страшныхъ послѣдствіяхъ невѣрія, которое гибнетъ подъ своими собственными ударами, а въ баснѣ «Бочка»—мысль, что вредныя уче-

нія, внушенныя въ молодости, отзываются на всей жизни людей, подобно вину, навсегда сообщившему свой запахъ бочкѣ. Въ баснѣ «Л и с т ы и К о р н и» аллегорически объясняется значеніе сословій въ государствѣ, въ баснѣ «П а р у с а и П у ш к и» — значеніе гражданскихъ властей и военной силы, въ баснѣ «С о ч и н и т е л ь и Р а з б о й н и к ъ» — значеніе литературы, какъ правственной силы. Все это идеи, которыми весьма странно было бы занимать дѣтскій умъ. Въ баснѣ «Л е в ѣ и Б а р с ѣ» проводится мысль, что не слѣдуетъ довѣрять словамъ врага, мысль, можетъ быть, и полезная въ практическомъ отношеніи, но не для дѣтей, которымъ слишкомъ рано думать о врагахъ. Въ баснѣ «Т р о е ж е н е ц ѣ» имѣющей значеніе не болѣе какъ игривой шутки, догадливые судьи заставили троеженца въ наказаніе жить со всѣми тремя женами, и онъ черезъ три дня удавился: ужь — конечно — эта шутка не имѣетъ ни какого смысла для дѣтей. — Басни «К у к у ш к а и П ѣ т у х ѣ», «П р и х о ж а н и н ѣ», «П а р н а с ѣ» и мн. др. — сатиры на современные литературныя нравы. Въ басняхъ «В е л ь м о ж а», «О р а к у л ѣ», «М е д в ѣ д ь у п ч е л ѣ», «Р ы б ь и п л я с к и» и др. осмѣивается замаскированная глупость, кривосудье и взяточничество. Опять таки — подобныя сатиры — не для дѣтей, вовсе не знакомыхъ съ жизнью, съ судами и литературными правами. Не будемъ продолжать этого перечня. Достаточно сказать, что такихъ басенъ, смыслъ которыхъ совершенно не доступенъ дѣтскому пониманію, при всемъ ихъ художественномъ достоинствѣ, мы насчитали до 50, что составляетъ около четвертой доли всего собранія.

Съ большимъ вниманіемъ мы должны остановиться на особой категоріи басенъ, о вліяніи которыхъ на дѣтское воображеніе, а слѣдовательно и на дѣтскую нравственность, надо подумать по двумъ причинамъ: иногда самая мораль Крылова, обусловленная современной ему общественной моралью, узка и односторонняя, иногда же впечатлѣнія, которыя вызываются образами басни, идутъ въ разладъ, не гармонируютъ съ основной идеей. Правда, ко

многимъ изъ нихъ приставлено весьма ясное правоученіе; но на дѣтей дѣйствуютъ образы, а не правоученія, дѣятельность ихъ обусловливается не принципами, а рефlekсами—результатами внѣшнихъ впечатлѣній. Вліяніе художественныхъ образовъ на складъ нравственности, на характеръ дѣйствій — очень опасно и требуетъ большой осторожности въ выборѣ именно потому, что ни—сила не отражимая ни какими нравственными сентенціями. Вы читаете съ дѣтьми басню «Ворона и Лисица» и предполагаете заронить въ ихъ душѣ ту нравственную истину, что лесть гнусна, вредна, что не надо слушать льстецовъ. Но образы, содержащіеся въ баснѣ, не вызовутъ-ли у иныхъ дѣтей совсѣмъ иныхъ мыслей, не оставятъ-ли въ душѣ ихъ совершенно иныя впечатлѣнія, которыя современемъ вызовутъ со стороны дѣтей дѣйствія вовсе не ожидаемыя для васъ, педагога, задавагося внушеніемъ сказанной истины? Посмотрите, на чьей сторонѣ симпатіи вашего маленькаго слушателя—на сторонѣ глупой, каркающей вороны, или на сторонѣ умной, проглатывавшейся ворони—лисицы? При этомъ помните, что дѣти по натурѣ своей довольно грубые эгоисты, живимые преимущественно животными инстинктами, — не научатся ли они скорѣе у умной лисицы искусству удовлетворять свой эгоизмъ, нежели презирать лесть и избегатьъ ея? Руссо, разбирая эту басню въ изданіи Лафонтена, положительно предполагаетъ послѣднее. Изворотливость лисицы ребенку скорѣе покажется забавна, нежели гнусна, а глупая доверчивость вороны вызоветъ смѣхъ, который въ ребенкѣ, склонномъ къ лукавству и лжи получить нѣсколько злой и самодовольный отбѣнокъ. — Вы читаете дѣтямъ басню «Стрекоза и Муравей», предполагая вызвать въ нихъ сознаніе, какъ печальны послѣдствія праздной жизни; но можете-ли вы ручаться, что ребенокъ не обратитъ вниманія на совершенно иную сторону басни, и что слова муравья: «такъ поди-же попляши» не сдѣлаются его обыкновенной аргументаціей въ примѣненіи ко всякому, нуждающемуся въ помощи? Развѣ жестокое

отталкиваніе умирающаго, хотя-бы онъ умиралъ и по своей собственной винѣ, такой образъ, который можетъ хорошо вліять на нравственное развитіе, и заслуживаетъ подражанія? Не будетъ-ли онъ способствовать развитію сухости сердца, узкаго эгоизма и черстваго резонерства?—Вы читаете дѣтямъ басню «Котъ и Поваръ», предполагая посмѣшить ихъ разглагольствованіями повара—грамотѣя, давшими возможность коту доѣсть украденное мясо, предполагая способствовать развитію практическаго смысла. Но дѣти и безъ того склонны къ насилию, къ употребленію грубой физической силы,—научая ихъ не тратить по пустому словъ, гдѣ надо употребить силу, вы только наталкиваете ихъ на мысль о законности кулачества, о преимуществахъ его передъ силою словъ.—Вы читаете дѣтямъ басню «Роща и Огонь», научая ихъ быть осторожными въ выборѣ друзей, но какъ знать, осторожность-ли только вызовутъ образы басни своимъ впечатленіемъ: какъ правдоподобно рассказываетъ огонь о своей силѣ, сравнивая себя съ солнцемъ, сылаясь свое значеніе въ теплицахъ, съ какой искренностью выражаетъ онъ желаніе согрѣть покрытую снѣгомъ, околѣвшую рощу! Въ его словахъ вовсе не слышится лукавства, желанія обмануть, своекорыстія,—напротивъ по тону его рѣчи кажется, что самъ онъ вѣритъ въ живую силу своей силы и вовсе не предполагаетъ, какое зло принесетъ рощѣ его дружба. Остерегитесь, чтобы въ это разборчивости не поселить въ своемъ маленькомъ слушателѣ искру недовѣрчивости, скептицизма, подозрительности! Вѣрьте, что сила образовъ неизмѣримо могущественнѣе вашей нравственной сентенціи!—Вы читаете дѣтямъ басню «Заяцъ на ловлѣ», по-видимому самую невинную, вовсе не имѣющую сатирическаго значенія, шутку—басню: заяцъ тянетъ за ухо медвѣдя, пойманнаго звѣрями, увѣряя, что онъ участвовалъ на ловлѣ, что онъ выгналъ медвѣдя изъ лѣсу; звѣри, забавляясь хвастунишкомъ, дали ему клочекъ медвѣжьего уха... Но эта шутка ужъ прямое объясненіе выгоды нахальной лжи,—и притомъ въ какомъ свѣтѣ

является эта нахальная ложь! Она просто забавна, она только забавляетъ и получаетъ награду наравнѣ съ трудомъ; нахальный лгунишка—заяцъ возбуждаетъ только веселый смѣхъ, и маленькому читателю ни сколько не противно вообразить себя на его мѣстѣ.

Басня «Пѣтухъ и жемчужное зерно» внушаетъ дѣтямъ совершенно фальшивую и вредную мысль, что о цѣнности вещей надо судить отнюдь не по тому, насколько онѣ намъ полезны и нужны, а по условной мѣркѣ: пѣтухъ недоволенъ жемчугомъ, онъ лучше хотѣлъ бы найти ячменное зерно, потому что ему ѣсть хочется, и онъ названъ невѣждой, глупцомъ, тогда какъ онъ правъ и напоминаетъ Робинзона, который оттолкнулъ найденное имъ золото, говоря: за чѣмъ ты не желѣзо!—Для болѣе взрослыхъ людей эта басня скорѣе могла бы вызвать разговоръ объ истинной цѣнности вещей, но никакъ не о невѣжествѣ пѣтуха, недовольнаго жемчужнымъ зерномъ.—Басня «Левъ и Комаръ» положительно ободряетъ въ дѣтяхъ, склонныхъ къ злопамятности, злое чувство; она вызываетъ мысль о возможности жестокой мести сильнымъ врагамъ со стороны людей маленькихъ, а этимъ легко можетъ содѣйствовать воспитанію мстительности и злой самоувѣренности; изъ собственныхъ школьныхъ воспоминаній мы помнимъ, какъ слова «мстятъ сильно иногда безсильные враги» обращались въ угрозу. Эти-же воспоминанія приводятъ намъ на умъ—басню «Кукушка и Горлица», которая написана въ поученіе родителямъ, слагающимъ съ себя, подобно кукушкѣ, воспитательскія обязанности: въ томъ учебномъ заведеніи были пансіонеры, и объясненіе такой басни, конечно, было самой близорукой безтактностью со стороны учителя; въ сущности объяснять эту басню значило внушать многимъ дѣтямъ, что они имѣютъ право не любить и вовсе забыть своихъ родителей... Какая антипедагогическая мысль! Какое жалкое легкомысліе!

Басни «Огородникъ и Философъ» и «Ларчикъ», осмѣивающія пустыя умствованія, не основанныя на знаніяхъ научныхъ, весьма двусмысленны для дѣтей:

въ дѣтскомъ воображеніи будутъ рельефно рисоваться два ученые человѣка въ весьма глупомъ положеніи,—механикъ отпираетъ не запертую шкатулку, а философъ оказывается глупѣе неученаго огородника,—очевидно, что такія фигуры не вызовутъ уваженія къ наукѣ, и дѣти, по самому складу своего ума, тотчасъ-же свое презрѣніе съ этихъ ученыхъ дураковъ перенесутъ и на самыя науки, особенно дѣти, склонныя къ лѣности. Басня «Крестьянинъ и Лисица,» оконченная словами: «а ворудай хоть милліонъ, онъ воровать не перестанетъ,» придавая какой-то роковой характеръ воровству, очень легко можетъ заронить такую же ложную мысль о неисправимости пороковъ вообще, а результаты такой мысли были бы слишкомъ губительны. Въ баснѣ «Два Голубя» побивается любознательность голубка, который вздумалъ посмотрѣть на бѣлый свѣтъ, и выставляется въ выгодномъ свѣтѣ домосѣдство и тупое, лѣнивое спокойствіе его друга: эти образы и рядъ картинъ, запугивающихъ молодое воображеніе и дѣтскую любознательность, едва-ли благотворно подѣйствуютъ на развитіе маленькихъ читателей.

Замѣтимъ, что мы брали басни изъ наиболѣе популярныхъ, которыя особенно часто объясняются и заучиваются въ учебныхъ заведеніяхъ; это, можетъ быть, только половина общаго числа тѣхъ басенъ, вліяніе которыхъ сомнительно и во многихъ случаяхъ можетъ отзываться весьма не хорошо на развитіи дѣтей, на складѣ ихъ нравственности. Мы вовсе не хотимъ сказать, что на каждаго маленькаго читателя указанная нами басня подѣйствуютъ непременно такъ, какъ предположили мы: напротивъ, на большинство онѣ вовсе не подѣйствуютъ, такъ какъ за чтеніемъ все таки остается второстепенная роль въ дѣлѣ нравственнаго развитія; но достаточно того, что онѣ могутъ подѣйствовать вредно, дать толчекъ, новую силу, большее напряженіе дурнымъ склонностямъ, уже возбужденнымъ жизнью, а иногда и сами возбудятъ вредную склонность, которая быстро разовьется, если найдетъ

малѣйшую поддержку въ жизни. Вотъ почему мы настаиваемъ на осторожномъ обращеніи съ баснями Крылова, какъ съ книгой для дѣтскаго чтенія. Повторяемъ, что авторъ въ этомъ нисколько не виноватъ: онъ писалъ не для дѣтей, а для взрослыхъ, онъ былъ сатирикъ, а не педагогъ, и не его вина, если неразборчивость всю книгу его цѣликомъ обратила въ книгу для дѣтей. Чѣмъ же руководствоваться при выборѣ басенъ и какія именно басни можно назначить для объясненія и изученія дѣтямъ? Прежде всего надо опредѣлить критерій, а потомъ уже не трудно будетъ сдѣлать выборъ.

Критерій отчасти нами уже опредѣленъ, когда мы сказали, что чтеніе и изученіе художественныхъ произведеній можетъ служить только дополненіемъ къ жизненнымъ вліяніямъ, что въ баснѣ, какъ и всякомъ поэтическомъ произведеніи, сила—не въ морали, не въ нравственной сентенціи, а въ художественныхъ образахъ, въ томъ впечатлѣніи, которое производятъ они на дѣтскую душу. Ясно, что—сообразно съ этимъ—слѣдуетъ выбирать—во-первыхъ, такія басни, которыя осмѣиваютъ, побиваютъ пороки, наиболѣе свойственныя дѣтской натурѣ, чаще встрѣчающіеся въ жизни дѣтей,—а во-вторыхъ, такія, въ которыхъ порокъ лишенъ всякой прелести, такъ сказать, интересности, является въ образахъ не только забавныхъ, но положительно непріятныхъ, отталкивающихъ, или возбуждающихъ чувство негодованія, да и вообще образы которыхъ совершенно отчетливы по силѣ и характеру того впечатлѣнія, какое могутъ производить. Покажемъ это на частныхъ примѣрахъ.

Всякій, кто наблюдалъ жизнь дѣтей и внимательно приглядывался къ ихъ характерамъ, легко могъ замѣтить, что почти общее свойство ихъ—недостатокъ сознательнаго отношенія къ самимъ себѣ: занятая внѣшнимъ міромъ, наблюденіями окружающей природы и жизни, дѣти совершенно чужды самонаблюденію; они охотно замѣчаютъ недостатки и ошибки въ другихъ, иногда склонны въ этомъ случаѣ даже къ преувеличенію,—но своихъ ошибокъ, своихъ недостатковъ не ви-

дять и не чувствуютъ; даже чужая бѣда нерѣдко вызываетъ въ нихъ смѣхъ, потому что вообще дѣти жестоки по самой натурѣ своей, — сострадательность, гуманность развивается въ нихъ только по мѣрѣ того, какъ человѣческое достоинство начинаетъ брать перевѣсъ надъ животными инстинктами. Изъ несознательнаго отношенія къ своей личности вытекаютъ и многіе другіе недостатки и дурныя склонности, особенно частыя въ дѣтскомъ возрастѣ: самонадѣянность, съ которою дѣти часто берутся за всякое, вовсе непосильное и незнакомое дѣло, неумѣнье соразмѣрять съ дѣломъ свои силы, склонность судить о томъ, чего не понимаютъ. Чтобы парализировать всѣ эти явленія, у Крылова находимъ весьма цѣлесообразные художественные образы. Такъ, въ баснѣ «Зеркало и Обезьяна,» комическое положеніе обезьяны, которая смѣется надъ собственнымъ отраженіемъ въ зеркалѣ, вызываетъ невольную оглядку на самого себя, а это уже начало критическаго, т. е. сознательнаго отношенія къ самому себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и неразборчивая насмѣшливость надъ другими задѣта весьма чувствительно. Хорошимъ дополненіемъ можетъ служить небольшая басенка «Чижъ и Голубь:» если насмѣшница — обезьяна передъ зеркаломъ забавна, то молодой голубь, подтрунившій надъ бѣдой чижа и самъ попавшійся въ силокъ, жалокъ, и такой переходъ впечатлѣнія совершенно цѣлесообразенъ, совершенно естественъ. Чтобы вести его дальше и затронуть безсознательное отношеніе къ самому себѣ во всѣхъ развѣтвленіяхъ его, читаемъ басню «Обозъ,» выдвигая на сцену комическую фигуру молодого самонадѣяннаго коня, который смѣялся надъ осторожностью умной лошади и свалилъ въ канаву хозяйскіе горшки; читаемъ басню «Щука и Котъ,» одну изъ лучшихъ по художественности исполненія, въ которой такъ мѣтко нарисовано забавное и вмѣстѣ жалкое положеніе самонадѣяннаго смѣльчака, взявшагося необдуманно за незнакомое, неизученное дѣло, высокомерно пренебрегшаго предостереженіями людей опытныхъ. Чи-

таемъ басню «О с е л ѣ и С о л о в е й:» образъ осла, который, потупясь въ землю лбомъ, глубокомысленно совѣтуетъ соловью поучиться у пѣтуха, такъ рельефно характеренъ и по сущности своей такъ удобопонятенъ, что хорошее впечатлѣніе его на дѣтей, слишкомъ скорыхъ и заносчивыхъ въ своихъ сужденіяхъ, не сомнѣнно.... Пусть подъ вліяніемъ этихъ живыхъ образовъ въ дѣтскихъ головкахъ мало по малу складывается строгое отношеніе къ самимъ себѣ и снисходительность къ ближнему, пусть созрѣваетъ мысль—о необходимости предварительно о б д у м а т ь и и з у ч и т ь избранное дѣло, с о р а з м ѣ р и т ь его со своими силами, созрѣваетъ мысль о б ѣ о с т о р о ж н о с т и въ сужденіяхъ, позволяющей судить только о томъ, что мы изучили и знаемъ хорошо.

Иногда дѣтская самонадѣянность, наиболѣе развивающаяся въ дѣтяхъ даровитыхъ, подъ вліяніемъ разныхъ жизненныхъ условій, принимаетъ разнообразныя оттѣнки, переходя въ чванство, хвастливость, не рѣдко жалкую спѣсь чисто внѣшними качествами, выгодными условіями рожденія, богатой обстановкой, даже счастливой наружностью; отсюда—не уваженіе къ труду, къ скромной долѣ, къ мелкой работѣ. Съ этой точки зрѣнія хорошо читать и объяснять дѣтямъ басни «Муха и Пчела», Орелъ и Пчела», «Двѣ сабаки». Всѣ онѣ дышатъ уваженіемъ къ труду, какъ бы скромна ни была доля трудящагося, и простаго чернорабочаго возвышаютъ передъ знатыми, самодовольными тунѣядцами, не сознающими своей ничтожности, свысока относящимися къ честнымъ, скромнымъ труженикамъ: гордый, но безполезный орелъ, чванливая болонка, которая умѣетъ только служить на заднихъ лапкахъ, и надѣдающая бездѣльница—муха ужь, конечно, не привлекутъ симпатіи маленькихъ читателей, потому что авторъ не пожалѣлъ красокъ для выраженія ихъ внутренней пустоты и жалкой ничтожности.—Но трудъ заслуживаетъ полного уваженія только подъ условіемъ полезности; вздорная необдуманная трата силъ на переливанье изъ пустаго

въ порожнее весьма обыкновенна между людьми вообще, а между дѣтьми въ особенности, но развѣ она можетъ быть поставлена наряду съ трудомъ плодотворнымъ, полезнымъ? Образцы безполезной траты силъ и матеріаловъ въ басняхъ «Обезьяна» и Трудолюбивый Медвѣдь», безъ сомнѣнія, будутъ какъ нельзя болѣе кстати, если въ дѣтяхъ возбуждена жажда дѣятельности, но нѣтъ вдумчивости, нѣтъ привычки — сперва подумать о дѣлѣ, а потомъ приниматься за работу, нѣтъ умѣнья хорошо распорядиться своими силами: обезьяна, которая возится съ чурбакомъ до истощенія силъ, и медвѣдь, гнушій дуги и погубившій несмѣтное число деревьевъ,—это въ своемъ родѣ типы, которые заставятъ призадуматься.—Скромность и прочность истиннаго достоинства, хвастливость празднои пустоты и поддѣльнаго величія, блестящаго заемнымъ блескомъ, совершенно доступно для дѣтей и въ строго художественной формѣ обрисованы въ басняхъ «Цвѣты» и «Двѣ бочки»: прелесть живыхъ цвѣтовъ убиваетъ высокомеріе поддѣльныхъ, послѣ дождя навсегда потерявшихъ свою фальшивую красоту; а грохотъ пустой бочки—напоминаетъ о скромности полезнаго труда, который не трубитъ самъ о себѣ, а дѣлаетъ свое дѣло безъ шуму. Говоря о самонадѣянности и хвастливости, нельзя упустить изъ виду еще одну весьма распространенную между дѣтьми склонность гнаться за взрослыми, подражать имъ, казаться старше своихъ лѣтъ. У насъ любятъ забавляться дѣтьми, которыя разсуждаютъ, какъ взрослые; многіе—даже стараются усиленно подгонять развитіе дѣтей или сообщить имъ хотя внѣшніе приемы взрослого человека, чтобы они казались старше своихъ лѣтъ, и такимъ образомъ поддерживаютъ весьма опасную склонность, крайнее развитіе которой изъ ребенка, удивлявшаго своимъ умомъ, въ старшемъ возрастѣ создаетъ не рѣдко идіота: превращеніе, которое Спенсеръ объясняетъ чисто фізіологически, говоря о раннемъ умственномъ развитіи и о вредѣ отъ усиленной умственной работы въ

дѣтствѣ, какъ о причинахъ вырожденія поколѣній (ст. о воспитаніи). Разумные воспитатели должны противодѣйствовать наклонности дѣтей казаться взрослыми, и для этой цѣли будетъ полезно прочесть басню «Лягушка и Волъ»: образъ лягушки, желавшей раздуться съ вола и лопнувшей съ натуги, производитъ впечатлѣніе вполне удовлетворительное.—Въ связи же съ незнательнымъ отношеніемъ къ себѣ является обыкновеніе дѣтей сваливать свою вину, свое неумѣнье на предметы неодушевленные, на орудія: мальчикъ худо написалъ или нарисовалъ,—онъ винить перо, карандашъ, пролилъ по неосторожности чернила—винить какое нибудь внѣшнее неудобство,—все это уловки чисто-дѣтскія, и на вздорность этихъ уловокъ слѣдуетъ обратить вниманіе дѣтей. Они очень ловко разбиваются въ басняхъ: «Крестянинъ и Топоръ» и «Гребеньъ»: мужикъ рубить избу, самъ нарубить вздоръ, а злится на топоръ; мальчикъ спуталъ свои волосы, а сердится на гребень, зачѣмъ онъ до слезъ деретъ включенные волосы. Относительно послѣдней басни, мы совершенно не согласны съ г. Водовозовымъ, который говоритъ, будто дѣти не любятъ, когда выводятъ на сцену ихъ самихъ. Это не правда. Дѣти не понимаютъ и не любятъ правоучительныхъ разсказовъ изъ дѣтской жизни, наполняющихъ разныя дрянныя книжонки не потому, что въ этихъ разсказахъ дѣйствуютъ дѣти, а потому, что въ нихъ все фальшиво, невѣрно, взято не изъ жизни, а сочинено, и вмѣсто живыхъ образовъ даются безцвѣтныя маріонетки, вовсе непохожія на дѣйствительныхъ дѣтей.

Умные же и художественные разсказы изъ дѣтской жизни, къ числу которыхъ смѣло можно отнести басню «Гребеньъ»,—самое лучшее, самое понятное и интересное чтеніе для дѣтей.—Это мы утверждаемъ сколько теоретически, столько же и практически: мы знаемъ, что дѣти 8—9 лѣтъ особенно любятъ читать, на примѣръ, первую книгу для чтенія, изданную редакціей 2-го Петербургскаго «Дѣтскаго Сада» (г-жи Симоновичъ), а дѣти 10—12—«Дѣтство» Гр. Л. Н. Толстаго.

Въ наклонности сваливать свое неумѣнье на неодушевленные предметы уже есть нѣкоторая доля фальши, и здѣсь мы вступаемъ въ новую область дѣтскихъ пороковъ, заслуживающихъ особаго вниманія. Фальшивость, ложь, лицемеріе слѣдуетъ преслѣдовать съ дѣтскихъ лѣтъ, но преслѣдовать съ большой осторожностью, отнюдь не путемъ наказаній и насилія, — эти способы часто ведутъ лишь къ усовершенствованію, къ утонченности лжи и лицемерія. Художественныя произведенія здѣсь могутъ оказать большую помощь. Для начала будетъ очень хороша басня «Лисица и Виноградъ»: лисица очень хотѣлось поѣсть сочнаго винограду, но она не могла его достать и говорить, что вовсе не хочетъ, что виноградъ зеленъ, какъ разъ оскмину набьешь. Дѣти точно также имѣютъ обыкновеніе увѣрять, что вовсе не желаютъ того, чего не могутъ достать. Это самый простой видъ лицемерія. Въ болѣе грубой формѣ оно является рядомъ съ первыми проявленіями дружбы, начинающейся на школьной скамьѣ; въ дружбу дѣти часто вносятъ много эгоизма, личныхъ расчетовъ; для обличенія такой эгоистической дружбы, ея непрочности и ненадежности, можно воспользоваться басней «Собачья дружба», очень игривой и естественной какъ по содержанію, такъ и формѣ: сентиментальныя дружескія изліянія и потомъ ссора изъ-за кости въ ней очень характерны и могутъ пристыдить инаго маленькаго эгоиста съ большою пользою для него.

Наконецъ грубое лицемеріе, возбуждающее невольное отвращеніе, яркими красками изображено въ баснѣ «Добрая Лисица»: пусть лисица, проповѣдующая состраданіе къ сироткамъ-малиновкамъ и поѣдающая сиротокъ тотчасъ-же, какъ они попались ей въ лапы, возбуждаетъ въ дѣтяхъ благородное негодованіе противъ лицемерія и всякой жестокости. А жестокое обращеніе съ животными очень часто встрѣчается между ними; поэтому непривлекательность его надо изображать въ самыхъ яркихъ краскахъ; да и вообще дѣти, какъ мы уже замѣтили, склонны къ самоу-

правству, къ насилію, къ кулачной расправѣ, а такая склонность должна быть парализована. У Крылова находимъ цѣлый рядъ басенъ, очень рельефно изображающихъ гнусность насилія въ такихъ образахъ, впечатлѣніе которыхъ неотразимо; достаточно указать хоть эти двѣ: «Волкъ и Ягненокъ», «Кошка и Соловей». Ясно, что симпатіи маленькихъ читателей будутъ не на сторонѣ волка, который въ темный лѣсъ ягненокъ поволокъ, не на сторонѣ кошки, заставляющей пѣть въ своихъ когтяхъ бѣднаго соловья. Басня «Волкъ и Котъ», рассказывая о затруднительномъ положеніи волка, который насолилъ всѣмъ въ деревнѣ и въ бѣдѣ остается безпомощенъ, напоминаетъ о невыгодности забіячества и неуживчивости, опять таки явленій весьма обыкновенныхъ въ кругу дѣтей. Съ другой стороны, вообще безобразіе разногласицы, несогласицы, неумѣнья дружно жить и работать вмѣстѣ, въ обществѣ, очень ярко рисуется въ басняхъ «Лебедь, Щука и Ракъ» и «Квартетъ»: надо, чтобы въ людяхъ съ дѣтства формировалось представленіе о необходимости единой общей работы; приготовленіе къ общественной жизни—одна изъ важныхъ задачъ воспитанія.

Мы разобрали болѣе двадцати басенъ и полагаемъ, что этого достаточно для уясненія нашей мысли, какими баснями Крылова можно воспользоваться для благотворнаго вліянія на нравственное развитіе дѣтей.—Остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ надо пользоваться этимъ матеріаломъ, какъ читать съ дѣтьми эти басни.

Прежде всего—выводъ, поученіе, прицѣпленное къ баснѣ,—прочь: повторяемъ, не нравственные сентенціи, а живые образы дѣйствуютъ на дѣтей. Нѣтъ надобности даже добиваться, чтобы дѣти сами формулировали изъ басни нравственный выводъ: повѣрьте, что впечатлѣніе, произведенное гнуснымъ образомъ злаго хищника—волка, произведетъ больше вліянія на дѣйствія маленькаго человѣка, нежели всѣ правоученія, которыя онъ выведетъ изъ басни подъ вашимъ руководствомъ,

короче—которыя вы ему подскажите. Не заставляйте ребенка твердить, что злость и насиліе гнусны, покажите это ему въ живыхъ образахъ, на самомъ дѣлѣ: если впечатлѣніе будетъ сильно и вѣрно, то онъ вполнѣ почувствуетъ ихъ гнусность, и это хорошо отразится на его дѣйствіяхъ. И такъ, при чтеніи басенъ надо прежде всего заботиться, чтобы образы, которые выводятся въ баснѣ, были совершенно понятны дѣтямъ, вызывали отчетливыя и цѣльныя представленія. Для этого необходима предварительная подготовка, о которой мы скажемъ—по возможности—коротко.

Надо помнить, что въ большинствѣ басенъ дѣйствуютъ животныя, рѣже—олицетворенія неодушевленныхъ предметовъ, очень рѣдко люди. Народный животный эпосъ—вотъ матеріалъ, которымъ по преимуществу пользовались баснописцы вообще, а Крыловъ въ особенности. Но міръ животныхъ въ баснѣ совсѣмъ не то, что міръ животныхъ въ народной сказкѣ.

Народъ въ своихъ сказкахъ относится къ животнымъ, какъ къ существамъ разумнымъ, наивно и съ полной вѣрой внося въ ихъ жизнь формы человѣческой жизни, свои обычаи, права и побужденія, подобно ребенку, который также наивно видитъ въ дѣйствіяхъ животныхъ разумный смыслъ, вступаетъ въ разговоры съ собаками, кошками, голубками, по-своему объясняетъ движенія, взгляды, издаваемые ими звуки. Въ баснѣ-же, созданной не наивнымъ народнымъ творчествомъ, а только воспользовавшейся продуктами этого творчества, какъ матеріаломъ для сатирическихъ цѣлей,—животныя являются уже не только животными, но и олицетвореніями. Слѣдовательно, въ баснѣ поэтическая фантазія, въ образахъ звѣрей выставляя на позоръ и осмѣяніе людскіе пороки и недостатки, сливая воедино типы, взятые изъ двухъ различныхъ міровъ, животнаго и человѣческаго, реальный міръ обращаетъ въ міръ идеальный. Эта двойственность типовъ составляетъ особенность басни; такъ, напримѣръ, Крыловъ даетъ намъ образъ свиньи, которая до отвала наблася желудей и потомъ стала подры-

вать дубъ,—это образъ изъ міра животныхъ, схваченный мастерски со всѣми свойствами глупаго и неуклюжаго животнаго, но въ этомъ образѣ сквозить и также вѣрно рисуется другой—образъ пошлаго и грубаго невѣжды; или—Крыловъ даетъ образъ кудрявой болонки, которая знаетъ только одну работу—ходить на заднихъ лапкахъ, но изъ-за этого образа такъ и выглядываетъ гнусный типъ барскаго блюдолиза.

Очевидно, что прежде нежели вводить неразвитой дѣтскій умъ въ идеальный міръ басни, надо познакомить его съ чисто-реальнымъ значеніемъ дѣйствующихъ лицъ. Чтобы соблюсти постепенность перехода отъ реальнаго къ идеальному, г. Водовозовъ совѣтуетъ—и мы съ нимъ совершенно согласны—начать съ наглядныхъ бесѣдъ о правахъ и жизни тѣхъ животныхъ, которые явятся въ баснѣ, потомъ перейти къ наивному изображенію ихъ въ народныхъ сказкахъ, а наконецъ—къ баснѣ.

Кромѣ того, необходимы объясненія словъ и выраженій, которыя могутъ затруднить пониманіе дѣтей, и эти объясненія должны непременно предшествовать чтенію, совершенно подготовить маленькихъ читателей, чтобы за тѣмъ можно было прочесть басню цѣликомъ, безъ всякихъ остановокъ и перерывовъ, дать яркое и цѣльное впечатлѣніе. Ничто не вредитъ въ такой степени вліянію художественныхъ произведеній на дѣтскій умъ, какъ перерывы и вводныя объясненія.

Резюмируемъ все нами сказанное:

1) Басни Крылова далеко не всѣ могутъ служить полезнымъ чтеніемъ для дѣтей, потому что не для нихъ писаны; безразличное употребленіе ихъ въ этомъ случаѣ весьма опасно;

2) Чтобы пользоваться баснями Крылова, какъ нравственно-педагогическимъ матеріаломъ, слѣдуетъ выбирать такія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ жизни дѣтей, въ которыхъ побиваются пороки, наиболѣе свойственные дѣтскому возрасту, и притомъ въ такихъ образахъ, которые вовсе лишены симпатическихъ оттѣн-

ковъ, чтобы впечатлѣніе было опредѣленно и цѣлесообразно;

3) Въ басняхъ на дѣтей дѣйствуютъ не правоученія, къ нимъ приставленныя, а живые образы, цѣлесообразно освѣщенные; поэтому болѣе всего надо заботиться о совершенной доступности дѣтямъ этихъ образовъ, о цѣльности и благотворности впечатлѣнія;

4) Такъ какъ міръ басни, по двойственности своей, идеаленъ, то для полного пониманія басенныхъ типовъ слѣдуетъ сперва ознакомить дѣтей съ реальнымъ міромъ, въ басняхъ идеализированнымъ, и отъ реального перейти къ идеальному; а для полноты и цѣльности впечатлѣній слѣдуетъ предварительно подготовить дѣтей къ чтенію, которое уже не должно прерываться никакими объясненіями.

При такомъ выборѣ и при такихъ условіяхъ избранныя басни Дѣдушки-Крылова явятся дѣйствительно занимательными, осмысленными и плодотворными рассказами для дѣтей; образы ихъ глубоко запечатлѣются въ душѣ cadaго изъ нихъ, а впечатлѣнія, этими образами возбужденныя, хорошо отзовутся на характеръ и дѣятельности маленькихъ людей.

Н. Б у н а к о в ъ.

Воронежъ.
1868 г. Января 20.

ОБЪ ИДЕАЛЪ ВЪ ИСКУССТВѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ Г. ТЭНА.

(Продолженіе.)

III.

Градація по литературной важности соотвѣтствуетъ градаціи по важности нравственной.—Литература моды и минуты. Болѣе продолжительная литература.—*Астрейя, Клелия, Эвонистъ, Альдона, Гудибра, Атала.*—Подтвержденіе и противорѣчіе закона.—Высшія произведенія, стоящія особнякомъ среди другихъ незначительныхъ сочиненій одного и того-же писателя; *Жиль-Блазъ, Манонъ Леско, Донъ Кихотъ, Робинзонъ Крузо.*—Слабыя части въ произведеніи замѣчательнаго писателя; Маркизы Расина, Клоуны и молодые люди Шекспира—Стойкость и глубина характеровъ, обнаруживаемые въ великихъ литературныхъ произведеніяхъ.—Подтвержденіе, заимствованное изъ современнаго употребленія литературныхъ произведеній, какъ пособія для исторіи.—Поэмы Индусовъ, Испанскіе романы и драмы, трагедіи Расина, эпосы Данте и Гете.—Характеры, имѣющіе міровое значеніе, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ.—*Псалмы, Подражаніе, Гомеръ, Платонъ, Шекспиръ.*—*Робинзонъ Крузо, Кандида, Донъ Кихотъ.*

Эта градація произведеній, по нравственной ихъ важности, всѣми своими частями, соотвѣтствуетъ градаціи по различнымъ степенямъ литературной важности. Все это, впрочемъ, вещи одинаковыя: смотря по тому, болѣе или менѣе важенъ характеръ, стоящій на переднемъ планѣ въ книгѣ, т. е. болѣе или менѣе онъ элементаренъ и устойчивъ, сама эта книга болѣе или менѣе прекрасна; вы увидите сейчасъ примѣненіе словъ нравственной геологіи къ литературнымъ произведеніямъ, которыя выражаютъ въ послѣднихъ личную степень ихъ силы и продолжительности.

Прежде всего, существуетъ литература моды, выражающая модный характеръ; подобно ему, она продол-